

МАНСИМ ЖУНОВ

Родился в 1968 году в Москве. Русский поэт. Председатель Крымского отделения Союза литераторов России. Лауреат международного конкурса «45-й калибр» (2021). Победитель конкурса «Заблудившийся трамвай» (2012). Обладатель Григорьевской поэтической премии (2013) и Международной премии имени А.И. Левитова (2021). Публиковался в «Литературной газете», а также в журналах «Знамя», «Нева», «Сибирские огни», «Номо Legens» и многих других. С 2010 года живет в г. Евпатории.

1989 ГОД

Это тело обтянуто платьем,
как тело у жрицы Кибелы обтянуто сетью,
оттого-то заколка в твоих волосах
мне и напоминает кинжал.
Если верить Флоберу,
то в русских жестокость и гнев
вызываются плетью.
Мы являемся третьей империей,
что бы он там ни сказал.

В этой третьей империи ты мне никто и ничто,
и не можешь быть кем-то и чем-то,
потому что и сам я
в империи этой никто и ничто.
Остается слагать эти вирши тебе
и, взирая с тоской импотента,
обретаться в столице твоей,
что по цвету подходит к пальто.

Если будет то названо жизнью,
то что будет названо смертью?
Когда я перекинусь,
забудусь,
отъеду,
навек замолчу.
Это тело имеет предел
и кончается там, где кончается все
круговертью,
на которую, как ни крути,
я напрасно уже не ропщу.

В этой падшей, как дева, стране,
но по-прежнему верящей в целость,
где республик свободных пятнадцать
сплотила великая Русь,
я, как древние римляне,
спьяну на овощи целясь,
зацепился за сало,
да так за него и держусь.

В этой падшей стране
среди сленга, аргю и отборного мата
до сих пор, как ни странно, в ходу
чисто русская речь,
и, куда ни взгляни, –
выходя из себя,
возвращаются тут же обратно,
и, как жили, живут
и по-прежнему мыслят –
сиречь,

если будет то названо жизнью,
то названо будет как надо –
с расстановкой и чувством,
с апломбом,
в святой простоте,
это тело обтянуто платьем,
и ты в нем – Менада.
Ты почти что без сил.
Ты танцуешь одна
в темноте.

* * *

Белый день заштрихован до неразличимости черт.
Я свернул у моста, а теперь мне, должно быть, налево...
Я иду вдоль реки, как дотла разорившийся смерд:
Без вины виноват, ни избы не осталось, ни хлева.

Нынче ветрено, Постум, но что они значат – ветра,
С совокупностью их, с направлением, с силою, с розой?
Не пришедших домой тут и там заберут мусора;
Что рождалось стихом, умирает, как правило, прозой.

Ничего никогда никому не хочу говорить,
Повторяя себе вопреки непреложное: «Скажешь!»
До того перепутана первопричинная нить,
Что ее и петлей на кадык просто так не повяжешь.

С чешуей покрывает по самое некуда вал,
Никакого житья – все равно, будь ты фейк или гений.
Я живу у моста. Я на нем никогда не бывал
И считаю, что это одно из моих достижений.

* * *

Мой кот не знает, что умрет.
А я – не знаю – как...

И лес умрет. Не так, как кот,
А как-то так – фигак! –
И нет ни елей, ни осин,
Не станет ничего.

Мой кот глядит, как будто сын,
Родное существо.

А лес стоит, поджав живот,
Не чувствуя, стоит, –
Что все сгорит, что не сгниет,
Что не сгниет – сгорит.

Я жил когда-то без кота
И убедился в том,
Что без кота и жизнь не та,
Не то что жизнь с котом.

А лес встречает первый снег,
Дрожа березняком,
Где потерялся человек
С веревкой и мешком.

Он шел и все вперед глядел,
И все глядел вперед...
Но отношенья не имел
Ни я к нему, ни кот.

Мой кот глядит, как будто сын,
На мир и на людей,
Как сорок тысяч верных псин
И добрых лошадей,
И он не знает, что умрет.
А я – не знаю – как.

И кто кого переживет,
Не ведаю. Вот так.